

Лу Силай возвращался в поместье, прижимая к себе коробку и потирая ноющие локти. Всю дорогу он ворчал себе под нос, вспоминая недавний разговор.

Сначала ему бросили холодное: «Проваливай». Следом — «Забирай этот нефрит, делай с ним что хочешь». И напоследок: «Убирайся с глаз моих, видеть тебя не желаю».

«Ну и характер, — думал Лу Силай. — Точь-в-точь наш великий премьер-министр. Странно всё-таки: почему у всех красавцев такой скверный нрав? Так и норовят словом побольнее ударить».

А ведь над этой подвеской он корпел со вчерашнего дня до глубокой ночи. Столько сил вложил, и ради чего? Никакой благодарности.

Лу Силай зевнул, покрепче перехватил заветный ящичек с камнями и прибавил шагу, торопясь в резиденцию Цзайсяна.

На рыночных площадях вечно царил кавардак: под ногами то шелуха, то гнилые очистки. Каждый день кто-нибудь да растягивался в грязи на потеху толпе, и сегодня «счастливчиком» суждено было стать Лу Силаю. Стоило ему зазеваться, как нога поехала по скользкой корке. Миг — и он ощутил пугающую легкость, коробка вылетела из рук, а сам он с глухим «бух» шлепнулся на землю.

Забыв о боли, Лу Силай вскочил и принялся лихорадочно озираться в поисках своей ноши. Заметив, что кто-то уже поднял ящичек и протягивал ему, он просиял. Но стоило ему поднять взгляд на благодетеля, как он перестал улыбаться.

Перед ним стоял Ван Чэн, командир гвардии Восточного дворца. Тот уже собирался вернуть находку, но, узнав владельца, замер в явном замешательстве. Впрочем, офицер быстро взял себя в руки и, неловко улыбнувшись, нарушил тишину:

— Наставник Линь.

Лу Силай пришел в себя. Потирая ушибленные колени, он выхватил коробку и посмотрел на Ван Чэна с подозрением. Что командиру гвардии Восточного дворца делать в городе в такое время? Явно затевается что-то недоброе.

Ван Чэн, заметив этот взгляд, виновато поскреб затылок:

— Да вот... прихворнул малость, взял на день отлучку. Погода выдалась славная, решил прогуляться.

Лу Силай недоверчиво сощурился, но тут гвардеец перехватил инициативу:

— А вы, Наставник Линь? Тоже сегодня в отпуске?

В голове Лу Силая воцарилась тишина. А затем он истошно возопил:

— А-а-а-а!

В памяти всплыл кроткий взгляд Девятого принца и его тихое: «Договорились». Лу Силай почувствовал укол запоздалого раскаяния.

— Забыл! Совсем забыл! — он запричитал, не зная, куда деться. Глянул на небо — солнце уже перевалило за полдень.

Ван Чэн, на которого Наставник Линь взирал теперь с немим отчаянием, невольно отступил на шаг.

— Ничего страшного, — попытался он утешить бедолагу. — В худшем случае лишат жалования за полмесяца.

— Да что ты понимаешь!.. — Лу Силай в сердцах топнул ногой, но внезапно его осенило. Он всучил коробку оторопевшему гвардейцу.

С самым торжественным видом он хлопнул Ван Чэна по плечу:

— Будьте любезны, доставьте это в поместье Цзайсяна.

И, не дожидаясь ответа, припустил к дворцу так, что только пятки засверкали.

Влетев в Императорскую академию, он, задыхаясь, рванул на себя дверь учебного зала. Лу Силай уже ни на что не надеялся, но замер на пороге: облаченный в белое юный принц тихо сидел за столом, листая книгу. Услышав шум, Чжао Ишу поднял голову.

В этом взгляде, встретившемся с его собственным, Лу Силай прочитал вспыхнувшую надежду, которая, казалось, уже готова была угаснуть.

Чжао Ишу поджал губы и после долгого молчания произнес:

— Я думал, наставник не придет.

— Я... — Лу Силай хотел было броситься с объяснениями, но слова застряли в горле. Он не знал, с чего начать.

— Ничего, — спокойно перебил его мальчик. — Ишу тоже только недавно пришел.

Лу Силай не поверил ни единому слову. Сделав пару шагов навстречу, он заметил, что безупречно белые одежды принца перепачканы пылью, а на виске и у самого уха виднеются свежие ссадины.

Гнев мгновенно вытеснил чувство вины. Лу Силай стиснул кулаки:

— Этот маленький выродок... Снова он?

Ишу лишь слабо покачал головой:

— Это не шестой брат. Будь это он, парой пощечин дело бы и закончилось.

От будничного тона, с которым ребенок говорил о подобных вещах, у Лу Силая сердце облилось кровью. Он поспешно подошел к мальчику, осторожно протягивая руку, чтобы осмотреть раны. Убедившись, что на лице лишь царапины, он с облегчением выдохнул и опустил ладонь на плечо принца.

Ишу резко втянул воздух, болезненно шикнув. Лу Силай замер. Он медленно откинул полу верхнего халата мальчика и вздрогнул от ужаса.

Спину Ишу пересекали следы от плети. Глубокие, рваные полосы прорезали тонкую ткань нижней рубахи, оставив на ней алые пятна. Тот, кто это сделал, бил с животной жестокостью, не зная меры. Лу Силай перевел взгляд на руки принца — на запястьях багровели следы от пут.

Ишу чуть пригнулся, стараясь спрятать руки в широкие рукава:

— Я так торопился к вам, наставник, что не успел переодеться. Простите мне этот неподобающий вид.

«Такой красивый, такой рассудительный ребенок... Кто мог так зверски обойтись с ним?» Лу Силай заговорил, и его голос дрожал от ярости и боли:

— Кто?! Кто это сделал?!

Ишу помедлил, но скрывать не стал:

— Первый принц.

Лу Силай вскочил, готовый немедленно бежать на поиски обидчика, но мальчик вовремя ухватил его за край одежды.

— У старшего брата недуг ума с рождения. Слуги над ним издеваются, бранят, вот он и не ведает, что творит, — тихо пояснил Ишу.

«Что это за проклятое место, где даже безумцы пожирают людей?» Лу Силай смотрел на мальчика, и в нем крепло неистовое желание забрать его отсюда, увести в свой дом и вырастить как родного сына.

О занятиях и речи быть не могло. Уложив Ишу в его покоях, Лу Силай принялся промывать раны. Сам он до смерти боялся боли, и вид развороченной плоти заставлял его руки дрожать. Вода в медном тазу быстро окрасилась в розовый цвет.

Принц лежал неподвижно, лишь побледневшее лицо и капли пота на висках выдавали его мучения. Он не издал ни звука. Лу Силай нервничал всё больше: «Хоть бы вскрикнул, хоть бы позвал на помощь... Как мне понять, не слишком ли грубо я действую?»

Закончив с перевязкой, Лу Силай помог мальчику устроиться поудобнее. Глядя, как тот прикрыл глаза, а его длинные ресницы мелко подрагивали, Наставник Линь не выдержал:

— Нужно позвать лекаря.

— Не стоит, — с трудом ответил Ишу.

Видя, что боль не дает ребенку забыться сном, Лу Силай остался сидеть рядом.

— Девятый принц, я подожду, пока ты уснешь.

Едва произнеся это, он смутился. Они не были настолько близки, и подобное предложение могло показаться дерзостью.

Ишу открыл глаза. Внимательно посмотрев на Лу Силая, он негромко вздохнул:

— Если наставник не занят... не мог бы он остаться и поговорить со мной?

— Занят? Вовсе нет! — обрадовался Лу Силай. Он мигом придвинул стул поближе к кровати.

Обычно его было не замолчать, но сейчас, глядя на изможденного ребенка, он не мог

подобрать слов. Тишина затянулась.

Ишу снова открыл глаза и позвал:

— Наставник.

Лу Силай увидел, как Ишу положил узкую ладонь на его кулак, покоившийся на колене.

— Впредь... не могли бы вы звать меня Сяо Цзю?

— Сяо... Цзю?

Лу Силай лишь повторил имя, чуть вопросительно, но Чжао Ишу, всегда застывший и безучастный, вдруг мягко и умиротворенно улыбнулся. Лу Силай оцепенел. Он и представить не мог, что этот мальчик способен на такие чувства.

Сколько горечи скрывалось за этой вечной маской? Как пятнадцатилетний подросток выносил всё это в одиночку? Если раньше сочувствие Лу Силая было подобно полной чаше, то теперь эта чаша опрокинулась, заливая всё его существо нежностью к этому ребенку.

Сам, без учителей, он пробивался сквозь мудрость древних книг. О чем он думал, читая в пустом зале Академии строки о братской любви и сыновнем почтении? Он следовал этим урокам всей душой, но какой ответ даровала ему судьба?

Этот хрупкий юноша хотел учиться боевым искусствам лишь для того, чтобы защитить себя. Пятнадцать лет — не поздно, чтобы заложить основу. Быть может, он не станет великим мастером, но постоять за себя сумеет. Янь Шэнь ведь тоже начал в четырнадцать.

Сердце Лу Силая окончательно растаяло. Он положил руку на грудь Ишу и начал медленно направлять внутреннюю силу.

— Наставник? — мальчик удивленно поднял взгляд.

— Молчи.

Лу Силай помог ему провести истинную энергию по меридианам, сделав три полных цикла Техники Туна, и лишь затем убрал руку. Ишу попробовал повторить упражнение сам, после чего выдохнул:

— Какая легкость...

Лу Силай привычно заулыбался:

— Вот, видишь! Лекари в городе говорят, что так дышать полезнее всего. Уж не знаю, правда ли, но ты попробуй, вдруг поможет.

В душе он содрогнулся: если бы глава его ордена услышал, как он называет их Технику Туна «советами уличных врачей», он бы лично прибил его кирпичом.

— Спасибо, наставник.

— Да, и еще... — Лу Силай посерьезнел. — Не говори об этом никому.

Чжао Ишу опустил глаза. Он всё понял без лишних слов:

— Да.

Вскоре действие Техники Туна принесло покой, и принц уснул. Лу Силай еще долго любовался его тонкими чертами, прежде чем решился уйти. На город уже опустились сумерки, близился час Собаки.

Возвращаясь в паланкине, Лу Силай предавался размышлениям. Говорят, у дракона девять сыновей, и все разные. И правда: один — жестокий скот, наследный принц; другой — слабоумный задира. Третий принц вечно в походах, его и в глаза никто не видел. Остается только Ишу. Хоть он и неразговорчив, зато милосерден и знает толк в приличиях. Пожалуй, именно он — лучший кандидат на престол.

В этих грезах он и не заметил, как паланкин остановился у ворот поместья Цзайсяна. Лу Силай отдал носильщикам последние медяки и привычным жестом толкнул тяжелую створку.

Ворота не поддались.

Он не придал этому значения — постучал и стал ждать. Наконец с той стороны послышались шаги.

— Управляющий Линь, — раздался голос Юфу.

Лу Силай обрадовался:

— Юфу? О, ты уже вернулся? Давай, открывай скорее.

— Не могу я, Управляющий Линь... — голос слуги звучал виновато. — Господин приказал:

после часа Собаки вас велено в дом не пускать.

Лу Силай застыл. Смысл сказанного доходил до него медленно.

— Как это — не пускать?! — наконец выдавил он.

— Так хозяин велел.

— Почему только меня?! — возопил он. О таком запрете его никто не предупреждал!

— Так хозяин велел, — упрямо повторил Юфу. — Вы бы, Управляющий Линь, шли в трактир какой, переночевали...

Судя по звуку, Юфу, снедаемый стыдом, поспешно ретировался.

— Юфу! Юфу, пусти меня, паршивец! — Лу Силай впал в неистовство. Он принялся колотить в ворота так, что грохот разнесся по всей улице. — Открывай! Кому говорю!

<http://bllate.org/book/17426/1694887>